

III. ЭКОНОМИКА СИБИРИ В ЦИВИЛИЗАЦИОННОМ РАЗВИТИИ РОССИИ

переработку цветных металлов. В годы экономического подъема ежегодно возникало до 15 совместных акционерных предприятий с уставным капиталом в 10–15 млн. золотых рублей («Лензолото», «Общество Центральная Сибирь», «Сибирский синдикат» и другие). Они напрямую выходили на мировой рынок с конкурентоспособной продукцией, а ценные бумаги этих компаний котировались на фондовом рынке.

Ж. З. ТАГАРОВ

к.э.н., доцент (г. Иркутск)

РИТМЫ КЯХТИНСКОЙ ТОРГОВЛИ XIX — НАЧАЛА XX ВВ. И БОЛЬШИЕ ЦИКЛЫ КОНЬЮНКТУРЫ Н. Д. КОНДРАТЬЕВА

Для историков-экономистов не является большим откровением идея о том, что развитие России происходило и происходит не изолированно от важнейших мировых экономических и социально-политических процессов. Две различные и в отдельных своих проявлениях прямо противоположные социально-экономические системы — Россия и Запад — тем не менее постоянно испытывали взаимное воздействие, временами становившееся чрезвычайно интенсивным. Уже для России XIX в., несмотря на относительную закрытость, очевидна синхронность развития ее внутренних процессов с движением мировой экономической конъюнктуры. Принимая это во внимание, можно во многом по новому интерпретировать некоторые факты экономической истории, тем более истории внешней торговли — наиболее чувствительного к воздействию мирового рынка сектора экономики.

Как известно, одной из самых плодотворных идей, объясняющих динамику мирового хозяйства, является теория «длинных волн» или больших циклов конъюнктуры Н.Д.Кондратьева. Сопоставление отмеченных выдающимся русским экономистом фаз больших циклов (повышательная и понижательная волны) с известными нам фактами истории русско-китайской торговли через Кяхту позволяет обнаружить определенную согласованность развития последней с изменениями мировой хозяйственной конъюнктуры. Так, важнейшим событием истории кяхтинской торговли является кризис конца XVIII в. и утверждение правительством таможенных правил 1800 г., включавших в себя ряд серьезных ограничений для русского купечества: запрет купли и продажи товара в кредит, разрешение только меновой торговли, общественный контроль за ценами. Заметим, что эта реформа по времени совпала с начальной стадией повышательной волны первого кондратьевского цикла (1789–1814 г.г.). Наибольшая стабильность характеризует кяхтинскую торговлю в 20–30-е годы XIX в., соответствующие понижательной волне (1814–1849 г.г.). Следующий ключевой период русско-китайской торговли — кризис начала 50-х г.г. и реформа 1854г., отменившая стеснительные правила 1800 г. В этот же период Кяхта потеряла свое значение един-

ственного универсального торгового центра на границе с Китаем (начало повышательной волны второго цикла — 1849–1873 г.г.). После временной стабилизации 70–80-х г.г. (понижательная волна) к концу 90-х г.г. следует новый кризис, на этот раз завершившийся окончательным крахом 1900 г. (начало повышательной волны третьего цикла — 1896–1920 г.г.).

Первым возможным возражением на предположение о закономерном характере подобной согласованности может стать устоявшееся представление о полной закрытости Китая от внешнего мира (Европы) до завершения 1-й опиумной войны и о преобладании запретительной тенденции во внешнеторговой политике России первой половины XIX в. Между тем уже с конца XVIII в. двухсторонняя русско-китайская торговля подвергается испытанию факторами экзогенного порядка. Воспользовавшись радикальным снижением таможенной пошлины на чай в 1782 г., англичане многократно увеличивают его вывоз из Китая, расплачиваясь индийским опиумом. В эти же годы активизируются их попытки блокировать кяхтинскую торговлю. Свидетельством зависимости состояния кяхтинской торговли от состояния экономики Запада является транзитный характер этой торговли, сошедший на нет лишь в 30-е годы XIX в. Но к этому времени спрос на российские товары (ткани) на кяхтинской ярмарке регулируется условиями конкуренции на внутрикитайском рынке, постепенно переходившим под контроль европейцев.

Вторым доводом в пользу положения об искусственной синхронизации отмеченных выше процессов может оказаться кажущееся представление о разнорядковости ключевых событий кяхтинской истории. Действительно, в первом случае речь шла лишь о формализации таможенными правилами ситуации, объективно сложившейся задолго до принятия достопамятного для купечества документа. В 50-е годы XIX в. кризис произошел на фоне тайпинского восстания в Китае и завершился прямо противоположным результатом — либерализацией торговли. В конце XIX в. падение кяхтинской торговли было инспирировано восстанием ихэтуаней и проведением Транссибирской железной дороги. Но эти факты свидетельствуют лишь о том, что все усиливавшееся воздействие мирового рынка на торговые отношения двух супердержав Старого Света было не прямым, а опосредованным. Ухудшение конъюнктуры, на первый взгляд вызванное кознями торгового визави, внутренними смутами в Китае или развитием транспортной инфраструктуры, на самом деле во всех трех случаях отражало постепенное возрастание интенсивности давления мирового рыночного хозяйства, расширение сферы его влияния. Каждый раз по своему приспособляясь к новому витку вовлечения в орбиту мирового рынка, кяхтинская торговля в конце концов прекратила свое существование.

Наконец, обращает на себя внимание внешне парадоксальная особенность рассмотренной выше согласованности, а именно — кризис и перелом в кяхтинской торговле каждый раз наступали через несколько лет после начала повышательной волны большого цикла. В тоже время наибольшая стабильность наступала в период, соответствующий долговременному ухудшению мировой экономической конъюнктуры. Подобная парадоксальность, а вернее противоречивость взаимодействия мирового рынка и локальной двухсторонней торговли как нельзя лучше

III. ЭКОНОМИКА СИБИРИ В ЦИВИЛИЗАЦИОННОМ РАЗВИТИИ РОССИИ

свидетельствует о закономерном характере подчеркнутой выше синхронности, поскольку поддается рациональному объяснению. Думается, что за своеобразный характер реакции на развитие мирохозяйственных процессов ответственен, прежде всего, сам характер кяхтинской торговли. На протяжении всей своей истории она представляла собой искусственно поддерживаемую государством ярмарочную торговлю. Причем, на первом этапе, Кяхта являлась единственным пунктом легальной русско-китайской торговли. Во второй половине XIX в. вопреки экономической целесообразности, манипулируя уровнем таможенного тарифа на чай, импортируемый из Китая через Кяхту и Европейскую границу, государство смогло продлить существование иррациональной по своей сути сухопутной караванной торговли. Поэтому возрастание экономической активности в мире всегда наносило удар по торговле, где большие издержки были экономической реальностью и нейтрализовались искусственной системой привилегий. Фернан Бродель был прав, когда писал, что... если экономическая жизнь ускоряется, ярмарка, эти старые часы, не поспевала за новым ускорением; но как только эта жизнь замедлялась, ярмарка вновь обретала смысл существования... (Бродель Ф. Игры обмена. С. 80).

Но у этого вопроса, видимо, есть и другой аспект. Подобная парадоксальная синхронность или упорядоченная асинхронность развития мирового рынка и локальной традиционной торговли, наподобие кяхтинской, очевидно характеризует взаимодействие обществ запоздалой модернизации с экономическими структурами более высшего порядка. И с этой точки зрения гибель кяхтинской торговли в начале XX в. выглядит вполне закономерной.

Таким образом, знаменитую кяхтинскую торговлю нельзя рассматривать лишь как феномен русско-китайских экономических отношений или региональный компонент сибирской экономики. На протяжении почти двухвековой истории ее ход все в большей степени определялся логикой развития мирового рынка, о чем свидетельствует синхронность ее ритма большим циклам конъюнктуры.

В. В. МАРТЫНИХИН
к.э.н., доцент (г. Иркутск)

РОЛЬ СЕРЕБРА В ПРОЦЕССЕ ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО ОСВОЕНИЯ СИБИРИ

Наряду с золотом и медью, серебро может быть отнесено к одним из первых металлов человеческой цивилизации. Открытие месторождений металлов, возникновение металлургии во все времена давало мощный толчок для социального развития стран и территорий. Первые признаки металлургического производства на территории современной России относятся ко второй половине 4-го и 3-му тысячелетию до нашей эры, когда в Приуралье, на Урале и в Минусинской котловине началось производство меди. Несколько позднее, в 1-ом тысячелетии до нашей